

Олег Козловский / Фото со страницы Козловского в фейсбуке

17.10.2018, 14:53 Ингушетия

ИНТЕРВЬЮ

«Раздели догола, угрожали убийством»: сотрудник Amnesty International о своем похищении

Исследователь Amnesty International, основатель Школы гражданского лидерства Олег Козловский в начале октября приехал в столицу Ингушетии наблюдать за митингами против передачи земель Чечне. Там его **похитили** вооруженные люди в масках. Они отвезли правозащитника за город, раздели его, фотографировали, пугали изнасилованием и два раза инсценировали казнь.

Мужчины заставляли Козловского лечь на землю, избивали его, приставляли к его затылку пистолет и угрожали убийством. Правозащитник заявил, что

похитители пытались склонить его к сотрудничеству. В интервью ОВД-Инфо Козловский рассказал о том, что произошло в день похищения.

— Зачем вы приехали в Магас?

— Я должен был наблюдать за развитием ситуации на митинге, потому что были опасения, что произойдет силовой разгон акции. Для Amnesty International ключевую роль играл вопрос, не применялось ли насилие самими участниками, были ли провокации со стороны властей. Естественно, я встречался с участниками, с активными представителями всего движения. Ситуация была весьма, учитывая обстоятельства, спокойная, мирная. За исключением того, что не работал мобильный интернет, всё было весьма цивилизованно.

— В своем твиттере вы написали, что хотели встретиться с конкретным человеком, «одним из лидеров оппозиции». Под этим предлогом вас выманили из номера. Что это за человек?

— Я бы не хотел называть его имя, потому что он к этой истории не имеет никакого отношения. Я с ним не знаком лично, мне его имя называли некоторые мои источники в Ингушетии как одного из таких «вдохновителей этой всей акции», известного местного общественного деятеля. Мы обсуждали возможность организовать с ним встречу, но никак не получалось. Когда ко мне вечером поступал молодой человек и сказал, что вот этот мужчина хочет со мной встретиться, я, с одной стороны, конечно, удивился. Мне было непонятно, откуда эти люди узнали, в каком номере я остановился. С другой стороны, это не было совсем уж неожиданно, потому что я знал, что кто-то собирался организовать с ним встречу.

— Вы можете описать человека, который выманил вас из отеля?

— Лет, наверное, 30, плотного телосложения, ростом немножко повыше меня, у него была тубетейка. Он был похож на рядового участника акции. Такой вполне не вызывающий подозрений парень, по виду ингуш, он говорил с некоторым акцентом.

— Почему вы согласились с ним пойти? У вас не закрадывалось опасений, что это небезопасно — куда-то идти ночью с незнакомым человеком в не самом спокойном регионе страны?

— Ну с одной стороны, у меня были какие-то подозрения. Но в то же время я, наверное, слишком расслабился, наблюдая, как всё спокойно происходит в городе. Буквально, может быть, за час до этих событий стало известно, что митинг в последующие дни будет проходить по согласованию с властями. Вероятность силового сценария стала еще меньше. И я немного утратил бдительность. Сейчас я уже понимаю, что это была ошибка. Но когда ты являешься исследователем и приехал куда-то разбираться с вопросом, ты так или иначе будешь встречаться с незнакомыми людьми и не всегда эти встречи будут проходить в дневное время, в удобном для тебя месте. Мне сказали, что вот этот человек не выходит на улицу, так как опасается задержания, поэтому меня попросили сесть в машину. Я думал, что этот человек находится в машине, но там его не оказалось. Я успел только отправить сообщение своему руководителю в Лондон, что пошел на встречу. И почти сразу после этого на заднее сиденье сели два парня, которые заставили меня выключить телефон, отобрали его и увезли [меня] за город.

— А сколько по времени все это длилось?

— Часов у меня не было, их у меня отобрали. Ехали мы минут 20–30 на машине и, наверное, минут 30–40 находились в поле. Потом около часа мы ехали назад в Северную Осетию.

— Пока эти люди везли вас, они переговаривались о чем-то? Что они спрашивали у вас?

— Между собой они не переговаривались, а со мной — да, активно. Больше всего их интересовало, кто я, на кого работаю, зачем приехал, сколько мне платят, какие у меня на самом деле цели. Спрашивали, ездил ли я в Киев, встречался ли я с какими-нибудь иностранными спецслужбами. На обратном пути — уже во Владикавказ — они жаловались мне, как правозащитники мешают ловить экстремистов и террористов, как им мешают участники митингов, не дают спать — шумят. Это довольно абсурдно на фоне всего происходившего звучало.

— Как вы думаете, кто эти люди?

— По их собственным разговорам, если это не был специально организованный спектакль, следует, что они из Центра «Э». Они рекомендовали мне, очень жестко, сотрудничать с Центром «Э». На обратном пути они повторяли: " У нас в ЦПЭ так-то, у нас в ЦПЭ так-то, а вот в московском ЦПЭ платят лучше, чем нам». Никаких удостоверений они, конечно, не показывали, но они не особо скрывали свою принадлежность.

— К какому сотрудничеству они хотели вас склонить?

— Это загадка для меня, потому что я в Ингушетии человек совершенно новый и посторонний. У меня не было там каких-то особенных контактов, за исключением тех нескольких людей, с которыми я успел познакомиться за сутки с небольшим в Магасе. Я им говорил об этом. Возможно, они мне не верили в первое время. И думали,

что я какой-то очень информированный человек, имеющий секретную миссию.

Силовики у митинга в Магасе / Фото: Олег Козловский

— Как вы думаете, почему они не оставили вас там, в поле, а довели до аэропорта ещё и другого региона?

— Когда они поняли, что я не буду с ними сотрудничать, у них было две задачи: чтобы я в тот же день уехал из республики и чтобы я никому ничего не рассказывал. Естественно, они могли бы меня оставить в поле, но я бы добрался до ближайшего населенного пункта, и, наверное, эта информация с большей вероятностью попала бы в СМИ, в местные правоохранительные органы. «Сэкономить на такси, мы тебя везем в аэропорт, из которого тебе всё равно завтра улетать», — сказали они мне.

— Что происходило дальше?

— Меня довели до аэропорта, который ближе к Беслану, чем к Владикавказу. Он был закрыт, там работало только отделение полиции. Я туда обратился и попросил, чтобы мне вызвали такси. По понятным причинам я не стал им описывать всю эту ситуацию. Я переночевал в Беслане и на следующей день улетел из Владикавказа в Москву.

— Что вы первым делом сделали в Москве?

— 9 октября я подал через интернет-приемную заявление в Следственный комитет. Параллельно мои коллеги из «Амнистии» связывались с Михаилом Федотовым (председателем Совета по правам человека при президенте — *ОВД-Инфо*). В пятницу, 12 октября, мы с ним встретились. У него же в кабинете, как бы случайно, оказался омбудсмен Ингушетии Джамбулат Оздоев. Он сказал, что возьмет под контроль это расследование. При мне Федотов звонил [главе

Следственного комитета Александру] Бастрыкину и просил, чтобы тот проконтролировал это дело. Насколько это имеет какой-то весомый вес и повлияет ли это реально на ход расследования — я, конечно, не знаю. Оздоев пообещал, что возьмет под контроль это расследование. Вчера (15 октября — *ОВД-Инфо*) он мне звонил и сказал, что ингушским правоохранительным органам пока не передали информацию из Москвы. Видимо, всё пока зависло на уровне федерального Следственного комитета. Но, тем не менее, на словах мне была обещана максимальная поддержка в расследовании всего этого дела, моральная поддержка и сочувствие.

— Почему вы решили рассказать об этом случае спустя неделю?

— После того как я и моя семья покинули Россию, мы посчитали, что эту информацию можно придать гласности.

— Где вы сейчас находитесь и собираетесь ли возвращаться в Россию?

— Я нахожусь в одной из европейских стран. Я хочу продолжить свою работу, и надеюсь, что, как только немного улягутся страсти, я смогу вернуться и продолжить начатое дело.

«ПРОВОКАЦИИ РАЗНЫХ СТОРОН»

Председатель Совета при президенте по правам человека Михаил Федотов **заявил**, что направил обращение по этому делу в правоохранительные органы и главе Ингушетии Юнус-Беку Евкурову. Однако сам президент республики **усомнился**, что правозащитник вообще говорил правду о своем похищении.

«Конечно, [похитители якобы] представились органами безопасности, сотрудниками полиции, но все нити ведут

якобы к руководству республики, к органам власти. И ни слова о том, что это могут быть провокации разных сторон. Сразу заготовка — это органы власти», — сказал он.

Корреспондент русской службы Би-би-си Елизавета Фохт, которая также освещала митинг в Магасе, **написала**, что они виделись с Козловским в день его похищения. Она сообщила, что у местных сотрудников Центра «Э» также были вопросы к ней и к ее коллеге Илье Барабанову. В беседе с ОВД-Инфо Фохт рассказала, что за их деятельностью в Магасе внимательно следили. На митинге к корреспондентам Би-би-си дважды подходила группа из нескольких человек в штатском, которые, по словам местных активистов, были сотрудниками Центра «Э».

«Сначала через наших новых знакомых [они] передали, что хотят посмотреть рюкзаки. Еще через некоторое время проверили пресс-карты и документы. Все это было в абсолютном молчании и под пристальным наблюдением наших коллег из республики», — рассказала она. Фохт **предположила**, что, возможно, если бы за них не вступились местные коллеги, ситуация могла бы закончиться хуже.

Протесты в Ингушетии

В конце марта 2019 года возобновились протесты против передела границ с Чечней, начавшиеся осенью 2018-го. Мартовские протесты стали поводом для возбуждения уголовного дела.

5 110

Ещё почитать

20.11.2025 [Ингушетия, Кабардино-Балкария](#)

Фигуранта «ингушского дела» осудили на 9 лет колонии